

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В УКРАИНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС**

12 декабря 2013 | Москва

СПИКЕР И МОДЕРАТОР:

Дмитрий Тренин, директор Московского Центра Карнеги

Дмитрий Тренин. Добрый день, коллеги. Я, наверное, должен был представиться. Но во всяком случае вот табличка. Я как хозяин площадки очень рад, что вы откликнулись на наше приглашение и в этот день пришли сюда для обсуждения, наверное, одной из самых серьезных проблем не только для Украины, но, наверное, и для России, а также для Европейского союза.

Я думаю, что тот кризис, который сейчас возник по факту в отношении Украины, он ставит очень много вопросов. Первый вопрос — о существовании украинской нации, один из вопросов. Второй вопрос — это состоятельность Европейского союза. И третий вопрос — это мудрость политики Москвы. Ну, если выбрать несколько вопросов из тех, которые у меня в голове крутятся.

У меня сегодня нет ни докладчика, ни доклада, потому что мы будем, я думаю, все совместно обсуждать очень важную и очень серьезную для нас проблему, касающуюся, я подчеркну, не только Украины и, может быть, не столько Украины. Я позволю себе выступить с очень короткими, как бы вводными, заявлениями, с какими-то соображениями, которые, в общем-то, не претендуют ни на что, кроме того чтобы заполнить паузу, дать нам возможность вот так поудобнее усесть в своих креслах и собраться с мыслями для, действительно, обсуждения в формате круглого стола.

Российские средства массовой информации критикуют Европейский союз и отдельные страны Европейского союза за активное вмешательство во внутренние дела Украины. И действительно, что европейцы до 21 ноября, до того как Янукович объявил... вернее, не Янукович объявил, а правительство Украины объявило о том, что приостанавливает работу по подписанию соглашения об ассоциации с Европейским союзом, до этого времени европейцы были уверены в том, что Киев подпишет, что Киев выбрал ассоциацию с Европейским союзом. И тот кульбит, который преподнес им и всем остальным заинтересованным сторонам президент Янукович, на мой взгляд, ошеломил всех. Я присутствовал на очень интересной встрече европейцев и американцев, которая как раз прошла 21 ноября. И я просто видел это ошеломление на лицах моих давних знакомых и коллег.

Сейчас, как я понимаю, Европа достаточно лихорадочно, я бы сказал, действует, для того чтобы спасти европейский выбор Украины. И Брюссель, и столицы европейских стран, прежде всего ведущих стран или ближайших стран — и Берлин, и Брюссель... ну, Брюссель как столица Европы... Берлин, Варшава, Париж вступили в переговоры не только с правительством Украины, но и с украинским руководством оппозиции. И цель, как мне представляется, достаточно очевидная — побудить Киев все-таки подписать соглашение с Европейским союзом об ассоциации и о зоне свободной торговли и в более долгосрочной перспективе помочь формированию на Украине действительно стойкой проевропейской власти.

Геополитический аспект кризиса, который раньше не присутствовал, по крайней мере так открыто не присутствовал в разговорах на украинскую тему, сейчас, в общем, уже достаточно открыто вышел на поверхность, никем особенно не отрицается. Шведский министр иностранных дел Карл Бильдт, который более открыт, наверное, чем многие другие его коллеги, в общении с внешним миром, написал в своем «Твиттере», что вопрос стоит так: либо Европа, либо Евразия. И многие средства массовой информации называют то, что происходит на Украине, первой геополитической схваткой между Европейским союзом и Российской Федерацией.

Москва, на мой взгляд, с самого начала воспринимала события именно в таком ключе. Однако Москва проявляет сдержанность, для себя, в общем-то, в украинских делах не всегда характерную, и занимает позицию подчеркнутого невмешательства в украинские дела. Президент Российской Федерации, что бы он ни говорил о погромах и революциях, назвал происходящее внутренним делом Украины. Руководители Правительства Российской Федерации заявили, что поддержат любой выбор Украины. Депутаты Государственной Думы, приняв заявление по Украине, постановили не направлять в Киев делегаций. Посол Российской Федерации на Украине если чем и заметен, то скорее своим отсутствием в ходе украинского кризиса, острейшего кризиса. В то же время контрастирующая несдержанность по факту европейцев и очевидное вмешательство в украинский кризис вызывают в Кремле раздражение и могут, в принципе, спровоцировать Кремль на аналогичные действия. Как минимум развитие ситуации ведет к росту напряженности между Москвой и Брюсселем.

Вот здесь, я думаю, пора, и я надеюсь, что мы этим займемся, заняться таким трезвым анализом ситуации. Европа действительно настолько глубоко зашла на Украину, что вряд ли скоро сможет из нее выйти без очень серьезных репутационных потерь. Последствия этого вхождения пока очевидны еще не для всех. Но навскидку они включают следующее.

Разделение европейцами ответственности с украинскими сторонами за разрешение нынешнего политического кризиса. Европа — уже фактически третий участник внутриукраинских разговоров о дележе власти. Предоставление Киеву срочной финансовой помощи, хотя бы для того чтобы избежать дефолта в 2014 году, который многими считается весьма реальным, вне зависимости даже от тех мер, которые может принять Москва. Компенсация части потерь, которые украинская экономика понесет в том случае, если Россия примет меры в ответ на присоединение Украины к зоне свободной торговли с Евросоюзом. Ну и далее масштабная долговременная помощь Украине в модернизации ее экономики и в смягчении социальных последствий этой модернизации. Ну и наконец, маячит у меня по крайней мере перед глазами, когда я вижу Майдан, принятие какого-то принципиального решения о перспективах членства Украины в Европейском союзе. Потому что эти все страдания, которые майдановцы переносят или переживают, они не должны вроде бы остаться без ответа.

Модернизация украинской экономики и украинской политики давно назрели. Евросоюз мог бы, конечно, уклониться от этого тяжелого бремени, которое, на мой взгляд, превосходит по масштабам те усилия и ту цену, которую Европа заплатила за интеграцию Центральной Европы. Так вот можно было бы уклониться Евросоюзу, если бы он спокойно воспринял отказ Януковича. С облегчением. Не только со спокойствием, но и с облегчением воспринял отказ Януковича от подписания соглашения. И если бы не было Майдана с соседствующими друг с другом флагами Украины и Европейского союза.

Сейчас, наверное, уже поздно, по моей оценке. Европа уже втянулась, и попытка уйти от ответственности будет расценена как... я немножко ерничаю, но я бы сказал так: предательство лучшей части украинского общества, которая храбро стоит на киевском Майдане, не боясь ни стужи, ни «Беркута», ни происков Москвы.

Европейские политики с большим опозданием осознают, что Европейский союз в нынешней его конфигурации в принципе не готов взвалить на себя этот огромный груз. И этот груз ответственности, он и огромен, и он пугающий. Европа в нынешнем своем виде не способна удовлетворить ожидания украинских манифестантов и не может разработать

единую стратегию, чтобы проводить согласованную политику в отношении Украины. Таким образом, Украина фактически и неожиданно для всех поставила вопрос о доверии к Европейскому союзу. И поставила на кон то, что... я не всегда нахожу (может, вы мне поможете) соответствующий русский эквивалент... что называется *credibility* Европейского союза. Но так или иначе, на этот вопрос придется отвечать.

Циники скажут, что единственным выходом для Европейского союза в этой сложившейся ситуации было бы проиграть Украину Москве, российскому империализму, Путину и переложить все бремя ответственности (политической, финансовой, социально-экономической) на Москву, ну и обвинить Москву в том, что она продолжает курс на собирание имперских окраин. Но скорее всего Европейский союз не столь циничен, чтобы европейские политики действительно рассуждали в таких категориях. Но Украина поставила вопрос и перед Москвой вопрос о степени мудрости российской политики. И здесь я бы... Я, в общем, особенно никогда не скрываю того, что я думаю, но здесь требуется полная откровенность. Я бы сказал так: что если бы Украина действительно горячо желала воссоединиться с Россией, или соединиться с Россией, точнее, в каком-то новом союзе, если бы это движение было реально, искренне, разделялось большинством украинской элиты и большинством украинского общества не пассивно, а активно, то, наверное, никакая цена для этого не была бы слишком высокой. Но дорогостоящий временный альянс с украинской элитой, которая будет постоянно стремиться отложиться от Москвы, будет тянуть Россию вниз материально и в прошлое, в морально, на мой взгляд, устаревшую империю. Все империи имеют большие заслуги перед человечеством, но они на каком-то этапе устаревают и перестают быть эффективными.

Но еще одно соображение... Импорт Майдана был бы Москве, Кремлю конкретно, очень опасен. Одно дело, когда демонстрируют против Януковича где-то за границей, другое дело, когда это происходит в пределах той территории, которую ты контролируешь, и тогда этот Майдан может принять совсем другие черты и распространиться в самых разных направлениях. Так что импорт Майдана, на мой взгляд, для Кремля явно опасен.

Так что, заключая вот это короткое вводное слово, я бы сказал, что ближайшие недели и месяцы покажут нам, насколько состоятелен Европейский союз и насколько мудра Москва. И эта проверка Украины высветит очень многое из того, что до сих пор существовало в таком неявном, невыявленном виде. Так что Украине и украинцам надо за это сказать спасибо, а остальным, наверное, нужно пожелать: одним — больше состоятельности, другим — больше мудрости.

Вот на этом я бы закончил. Я еще раз говорю, ни на что не претендую, просто чтобы, может быть, спровоцировать дискуссию. Сейчас я готов предоставить слово всем, кто хочет его взять. Я буду записывать. Просто ловите каким-то образом мои глаза, я буду предоставлять слово. Пожалуйста. Только единственная просьба — представляйтесь, кто вы и откуда.

Язькова. А вопрос можно?

Тренин. Конечно. Это Алла Алексеевна Язькова задает вопрос.

Язькова. Да. Я все время задаю каждый раз после какого-то выступления вопросы, потому что это именно те вопросы, которые меня тревожат и мне кажутся очень

актуальными. Я согласна практически со всем, о чем сказал Дмитрий Витальевич, и, в общем, тут, я думаю, других суждений быть просто не может по поводу...

Тренин. Но я надеюсь, что будут.

Язькова. Нет, нет, подождите, я думаю, что нет. Я думаю, что это действительно в общем картина нарисована достаточно объективно. Но у меня вопрос, который касается не только проблем, отношений Евросоюза с Украиной, Евросоюза с Россией, России с Украиной, но... Сейчас даже, между прочим, в наших изданиях как-то или прямо, или косвенно говорится о том, что это не просто проблема геополитики, это проблема внутреннего развития общества, в том числе на Украине. И есть такое мнение, мне оно тоже кажется достойным обсуждения, что это продолжение процессов, что ли, революционных сдвигов, которые проходили на территории сначала Российской империи, затем Советского Союза. Не будем даты называть, они всем понятны. Но что здесь очень глубокий внутренний смысл вот в этих событиях.

Поэтому мне кажется, что просто обсуждать проблему, что решит Евросоюз, действительно очень сложно. Уже сегодня было сообщение о том, что Евросоюз отказался выполнить просьбу Януковича о предоставлении кредита в 20 миллиардов евро на возрождение украинской экономики. Но мне думается, что здесь вопрос все-таки не только в этом. И может быть, поэтому и российская сторона, Россия сохраняет, в общем, сдержанность, и нет такой, что ли, четко выраженной реакции. Поскольку эти процессы идут, мне кажется, гораздо глубже. Вот как вы считаете? Вот у меня такой вопрос.

Тренин. Алла Алексеевна, во-первых, я отвечу вам... ну, это не комплимент на комплимент... Я совершенно согласен с тем, что вы сказали. Просто я не считаю себя специалистом ни в области внутренней политики, ни тем более в области социальных, экономических отношений на Украине. Я, в общем-то, говорил о тех вещах, которые просто лично мне ближе. И я буду очень рад, если коллеги дадут тот анализ, на который вы указали, необходимость анализа того, что собственно происходит на Украине. Я бы сказал так, что есть внутриукраинские дела, они интересны, но лично для меня это вопросы, скажем, которыми, наверное, должны интересоваться специалисты по Украине. Я хотел посмотреть на ту сторону украинской ситуации (я об этом сказал в самом начале), которая не столько про Украину, но в связи с Украиной. Потому что действительно вопросы очень серьезные и вопросы очень такие насущные, которые нужно так или иначе обсуждать, и кто-то будет их решать в ближайшие дни. Я с вами совершенно согласен. Я очень надеюсь, коллеги, что среди вас есть специалисты (я знаю, что они есть), которые могли бы рассказать, что, собственно говоря, происходит в этой очень важной европейской стране, близком соседе и больше чем соседе Российской Федерации. Спасибо.

Да, пожалуйста. Виктор Кувалдин, да?

Кувалдин. Виктор Кувалдин, МГУ. Я поздравляю Дмитрия с блестящим выступлением, независимо от того, согласимся мы с ним или нет. И с постановкой проблемы. Но вот у меня такой вопрос... Не означает ли это, что кроме действительно стратегически очень важного решения по Украине одновременно в Брюсселе должны были принять другое, еще более важное решение, а именно об изоляции и вытеснении России из Европы? То есть то, что раньше осуществлялось за счет экспансии НАТО на восток, сейчас будет осуществляться за счет экспансии Евросоюза. Поскольку в политике надо быть последовательным, и логика подсказывает именно такое развитие событий.

Тренин. Виктор, во-первых, спасибо за добрые слова. Но, с другой стороны, в них, конечно, есть очень серьезный элемент критики, которую я тоже принимаю. Ситуация действительно изменилась за некоторое время. И может быть, те, кто ситуацию отслеживал, включая меня, должны были бы отслеживать ее более глубоко и на более ранних этапах развития. Да, у меня действительно было несколько такое, скажем так... Вы говорите, более спокойное, более умиротворенное, но оно было, скажем... Я исходил из несколько другого сценария развития событий. Поэтому я принимаю критику в свой адрес.

Что касается вашего вопроса, то, на мой взгляд, Европа сегодня пока еще... если говорить о Европе и на уровне Европейского союза, и на уровне ведущих членов Европейского союза, геополитически на одном уровне еще не научилась мыслить, а на другом уровне — уже разучилась. И на мой взгляд, это проблема для Европейского союза, потому что для того чтобы стать полноценным международным игроком, даже в своем собственном околотке, необходимо, чтобы политика имела геополитическое измерение. И военное измерение тоже, кстати говоря. Без этого ни одна держава, даже самая что ни на есть привлекательная с точки зрения мягкой силы, не будет полноценным игроком. Поэтому геополитическое мышление, стратегическое мышление (как хотите) — это пока, я бы сказал, цель для Европы.

У наших коллег в Брюсселе, в европейском Центре Карнеги, есть даже такой блог, называется он «Стратегическая Европа». Я очень советую его читать, он очень интересен. Но он называется «Стратегическая Европа» именно потому, что такой блог есть, а стратегической Европы нет. То есть он пытается создать, виртуально создать стратегическую Европу. Вот пока по факту — нет. Это хорошо или плохо? Наверное, это хорошо с точки зрения Москвы, потому что я не вижу такого реального стремления и способности сегодня Европы действовать в этом направлении. По факту, да, европейские товары могут вытеснить. По факту евроремонт может вытеснить росремонт, предположим. По факту. Но как политика вытеснения — нет, этого нет. У Америки есть политика, конечно. Но Америка — полноценная держава. Европа — держава, у которой отсутствует важное измерение. Европа — даже не держава, а центр силы, где отсутствует важное измерение.

Так что я бы вот так ответил на ваш вопрос.

Рябихин. Леонид Рябихин, Комитет ученых. Дмитрий, ты в своем выступлении уже наметил те аспекты, которые... в принципе, было бы интересно хоть какие-то ответы на это получить. И у меня будет вопрос и предложение, чтобы как-то систематизировать нашу дискуссию. И в то же время я хотел бы как раз, чтобы, может быть, ты и ответил на эти вопросы.

Понятно, что с точки зрения России есть три измерения, которые мы должны оценивать. Первое — политическое. Второе — это военное и безопасность. И экономическое. То есть, раз ты у нас закоперщик, поэтому и вопрос к тебе (а может быть, остальные помогут раскрыть это): вот какую иерархию вот этих трех факторов ты предложил бы? Спасибо.

Тренин. Хорошо. Я думаю, что вопрос ко всем на самом деле. Поэтому тех, кто будут выступать уже не с вопросами, а с выступлениями, с такими заявлениями, если хотите, размышлениями, я прошу иметь в виду этот вопрос. То есть какова иерархия

факторов в украинском сюжете: политические, военные факторы, экономические факторы и т. д.?

На мой взгляд, сегодня иерархия примерно такова... Я бы поставил на первое место все-таки то, о чем сказала или на что указала Алла Язькова, это развитие внутренней ситуации в большой европейской стране. Все-таки еврокризис или, скажем, кризис в отношении присоединения или неприсоединения к Европейскому союзу — это в значительной степени повод для более широкого кризиса, политического прежде всего, но с экономическими и социальными корнями на Украине. Та система власти, которая существует на Украине, с одной стороны, постоянно подвергается различным вызовам снизу и со стороны различных политических кланов, а с другой стороны, она модифицируется и остается примерно той же самой. То есть идут постоянные революции, а, в общем-то, по большому счету ничего не меняется. И либо это очередная попытка взять эту «несдающуюся Бастилию», либо это, может быть, что-то другое.

На второе место я бы поставил вопросы экономики. И на мой взгляд, они действительно доминируют. Вот в своем вступительном слове я попытался это охарактеризовать. Для Европы это прежде всего необходимость иметь в виду экономическую составляющую украинского выбора. Для России любой выбор в пользу Таможенного союза также будет иметь серьезные экономические последствия.

Военного, честно говоря, я не вижу. Я вообще не думаю, что Европа — это военный театр. Европа — это уже военный музей, музей военной славы. Вот мы будем в следующем году отмечать столетие Первой мировой войны. Это история, тяжелая и славная история Европы, но это история.

Реплика. ...

Тренин. Нет, славы там много. Когда люди идут за други своя, это слава. И таких много со всех сторон. Но Европа — это музей. Сейчас действительно интересные события. Пока мы обсуждаем Украину, наиболее интересные с точки зрения мировой политики и мировой стратегии события разворачиваются в районе Восточной Азии и западной части Тихого океана. Вот там интересно, там настоящее действие, а здесь, в общем-то, это... не то что тлеющие, это давно погасшие угли. Поэтому я не вижу здесь военного аспекта вообще, честно говоря. Ну если исключить эти военно-экономические связи России и Украины, что скорее экономика, чем военная вещь.

Пожалуйста, Игорь.

Коротченко. Игорь Коротченко, главный редактор журнала «Национальная оборона» и директор Центра анализа мировой торговли оружием. Действительно, я могу согласиться с Дмитрием, когда он говорит, что российский посол Зурабов замечен тем, что он незаметен, он выпал из контекста происходящих в Киеве событий. К сожалению, я это говорю, потому что действительно на фоне очень высокой активности американского, немецкого, других западных посольств господин Зурабов как-то незаметен. Ну понятно, что Майдан не слишком комфортная, наверное, была бы площадка для его заметности. Может быть, если будут проводиться какие-то альтернативные митинги, мы его тоже увидим, ну хотя бы в качестве раздатчика каких-то там продуктов питания для митингующих и бойцов ОМОНа. Но я не могу согласиться, конечно, с рядом тезисов, которые озвучил Дмитрий.

Прежде всего, давайте скажем откровенно, то, что происходит сегодня в центре Киева, — это, мягко говоря... В любой нормальной демократической стране за попытку насильственного захвата правительственных зданий, нападение на органы правопорядка, очевидно, полиция и спецслужбы применили бы огнестрельное оружие. И это было бы воспринято абсолютно нормально с точки зрения европейских базовых демократических ценностей. То, что сегодня происходит в Киеве, — это, в общем-то... Можно давать различные оценки, я лично считаю, что это попытка государственного переворота и насильственного свержения власти.

В конце концов, в демократической стране подобного рода вопросы решаются не путем формирования штурмовых бригад и вступления в боевое соприкосновение манифестантов с органами правопорядка, а решаются путем выборов. Плох ли Янукович, хорош ли Янукович — это выбор украинского народа в рамках демократических процедур. В конце концов, на Украине грядут выборы и в Верховную Раду, и выборы президента. Если украинские...

Я попрошу, не перебивайте меня, у вас будет выступление, вы сможете высказаться.

Эггерт. ... год назад.

Коротченко. Я еще раз говорю, Константин, надо с уважением относиться к оппонентам и не закрывать рот. Это антидемократично. У вас будет возможность выступить, и ты сможешь здесь все сказать. Понимаешь, я не в эфире ВВС и «Коммерсант ФМ», поэтому у меня своя точка зрения, слушай ее, можешь с ней не соглашаться.

Тренин. Господа, я прошу поддерживать порядок. Если вопросы есть, то ко мне, к председателю. Спасибо.

Коротченко. Да, правильно. Конечно. Давайте говорить, ядро вот этого протестного электората... Ну, там назывались разные цифры. Все-таки давайте исходить из того, сколько может вместить центр Киева. Ну, наверное, где-то порядка 100–150 тысяч действительно активных людей, которые не хотят видеть другого пути, как интеграция Украины в Евросоюз. Это нормально. Ненормально, когда мы наблюдали вот эти сцены свержения памятников, разгромов, погромов. Ну конечно, на мой взгляд, когда главы МИД уважаемых европейских стран фактически одобряют снос памятников, как минимум это вызывает, честно говоря, чувство удивления.

Поэтому выбор Украины должен, на мой взгляд, все-таки делаться в рамках демократических процедур. Есть выборные процедуры. В конце концов, народ Украины делает свой суверенный выбор: куда ему идти, что он хочет. Это право украинского народа. Но, повторяю еще раз, то, что мы наблюдаем сегодня в Киеве, — это очень сильно напоминает попытку силового захвата власти, подготовку госпереворота. Возможно, мы в конце недели увидим, не исключено, формирование параллельных органов власти, что тоже идет вразрез собственно с Конституцией Украины.

На что бы я еще обратил внимание. Действительно, Янукович совершил ряд ошибок. И в первую очередь это ошибки, которые последовали фактически в первые дни вот этих киевских событий. Поэтому во многом, безусловно, политическая ответственность за то, что происходит, лежит на нем. Но в то же время надо все-таки совершенно четко понимать, что сегодня действия тройки ведущих оппозиционеров —

это господа Яценюк, Кличко и Тягнибок — во многом, наверное, должны вызывать вопросы у служб безопасности Украины. Мы видим все-таки, что действительно... Я могу согласиться с министром иностранных дел Швеции Карлом Бильдтом в том, что действительно идет схватка. Ну, может быть, это не совсем корректный термин, но действительно очень активная вовлеченность стран ЕС, Соединенных Штатов Америки в то, чтобы влиять на происходящие события. Безусловно, все-таки не совсем корректно со стороны уважаемой госпожи Виктории Нуланд в качестве помощника госсекретаря США по европейским вопросам пытаться выступать модератором фактически киевских событий. Это называется вмешательством во внутренние дела суверенной Украины.

Не могу согласиться с Дмитрием по поводу того, что Европа — это сегодня военный музей. Смотрите, ведь все-таки мы наблюдаем совершенствование военной инфраструктуры. Базы ракет-перехватчиков, которые появляются, — это не музей, это современное очень эффективное американское оружие. Потому что система AEGIS и противоракеты SM-3 — это действительно, я не побоюсь этого слова, шедевр военно-промышленного комплекса США. И генералы в Пентагоне сами не ожидали, что эта система окажется настолько эффективной, что сменит первоначальные планы по развертыванию тех тяжелых противоракет, которые в свое время предлагала администрация господина Буша. В этом плане все-таки Европа потенциально (потенциально, подчеркиваю) остается возможным источником каких-то военных противоречий. Хотелось бы, чтобы они, конечно, разрешались бы путем переговоров и согласования ключевых решений, которые затрагивают безопасность европейского континента.

На мой взгляд, сегодняшняя ситуация в Киеве еще может быть описана тем, что украинские силовики во многом деморализованы. Это действительно так. Мы видим их неактивность. Ну и надо сказать, что Соединенные Штаты Америки очень эффективно влияют на ситуацию. В частности, звонок, который был сделан главой Пентагона министру обороны Украины с предупреждением о невовлеченности украинской армии в события, — это такая хорошая военно-политическая профилактика. Я бы сказал, что и такой смелый военно-дипломатический ход.

В целом, конечно, существующая сегодня ситуация еще не может быть описана термином «двоевластие», это не так. Но очевидно, на господина Януковича будет оказано давление, с тем чтобы побудить его сесть за круглый стол, хотя оппозиция этого не желает, до момента полного вывода силовых компонентов из столицы Украины. Ну и очевидно, ситуация дальше может развиваться, на мой взгляд, по сценарию, примерно по которому Войцех Ярузельский путем вот этих круглых столов фактически передал власть оппозиции и устранился от власти. Мой лично прогноз, что события в Киеве, к сожалению, будут скорее всего развиваться именно по этому польскому сценарию. Спасибо.

Тренин. Спасибо большое, Игорь. Я, может быть, в конце сделаю какие-то ремарки относительно того, что говорил Игорь. Но на самом деле один из важных тезисов Игоря, по-моему, совпал с тезисом госпожи Нуланд, а именно, что Янукович — это избранный президент, демократически избранный президент, и решение украинского кризиса должно происходить в рамках демократических процедур.

Я думаю, что и Европа, и Соединенные Штаты сегодня заинтересованы именно в демократических процедурах развития ситуации на Украине. Хаосом на Украине, я думаю, никто управлять сейчас не хотел бы. Но другое дело, что при этом те интересы,

которые существуют, они существуют, безусловно... И Янукович, если хотите, и оппозиция — в общем-то, это люди, которые в большей степени склоняются в сторону Запада, а не в сторону России. Я вообще не вижу ни одного украинского политика, который был бы пророссийским. Ни одного. Ну кроме некоторых записных людей, которые не обладают серьезным политическим влиянием на Украине. А вся эта публика, в общем-то, она такая прозападная. Но при этом каждая из этих групп публики имеет на первом месте свои собственные, личные интересы — личные интересы выживания, личные интересы, связанные с собственностью, и т. д. Что не согласуется с европейскими и американскими ценностями, но вот такие партнеры, что делать...

Плутенко. Юрий Плутенко, кандидат политических наук. Со своей стороны я хотел бы отметить, что ситуация на Украине действительно тревожная и даже опасная. И в речи Дмитрия Витальевича я обратил внимание на один аспект — это вопрос о самом существовании украинской нации и украинского государства для будущего. Именно на этом я хотел бы сфокусировать свое внимание.

Действительно, если мы посмотрим на последние публикации, BBC, например, откровенно называет в заголовках своих новостей... headline идет «European Union — Russia battleground». То есть даже не Украина упомянута, а именно поле битвы. И дальнейшая эскалация конфликта на Украине вполне возможна и реальна.

К сожалению, так получилось, что Украина сегодня стала, так скажем, родоначальником новых слов в мировом языке — это слово «майдан». Оно стало синонимом слова «хаос», «mess», беспорядка и бардака. Reuters, например, на прошлой неделе писал про события в Таиланде и упомянул это слово, что в Таиланде происходит майдан, то есть хаос. И выход из правового поля, когда важные и судьбоносные решения для страны и для ее соседей принимаются не на политическом уровне, не на уровне парламента или правительства, а на площадях с арматурой и камнями в руках, — это ситуация крайне опасная.

На самом деле здесь, мне кажется, уместно сравнение Украины с красивой и привлекательной девушкой или невестой, к которой сватаются Европейский союз и Россия...

Тренин. С огромными долгами, правда.

Плутенко. Вот, вот, вот. Об этом я тоже как раз хотел сказать. Да, и каждый из этих ухажеров или женихов, он несет свое приданое. И здесь вопрос, конечно, чисто экономический: что может предложить Европейский союз с торпедированной Грецией, с очень сложной ситуацией в Италии, Испании, Португалии... Мы все об этом хорошо знаем, сколько средств было вложено в Грецию, но по-прежнему ситуация там далека от стабильности. И мы видим, что может реально предложить Киеву Москва, Кремль. Сергей Глазьев, помощник президента Российской Федерации Владимира Путина, объявил, что Москва может предложить 10 миллиардов долларов. Такую выгоду может получить Украина как невеста.

Азаров, мы знаем, просил у Европейского союза 20 миллиардов. И конечно, эти деньги... не то что они не были предоставлены, а они и не могли быть предоставлены. Потому что сегодняшний имидж и репутация у действующего президента Украины Виктора Януковича, я думаю, не лучше, чем имидж в Европе, на Западе президента

Белоруссии, как в политическом [смысле], так и в идеологическом. Поэтому, конечно, такие деньги не могли быть предложены.

И вопрос естественный... Это, извините, как говорится, старая аксиома. На войне со слабыми не считаются, слабых бьют. То же самое и в политике: со слабыми не считаются, слабых бьют. Хотелось бы отметить, конечно, и уверенную внешнюю политику России и успех русской дипломатии.

Я обратил внимание, что Дмитрий Витальевич сказал о том ошеломлении, которое произвел отказ Украины подписать соглашение с Европейским союзом. Но на самом деле, мне кажется, никакого удивления и тем более ошеломленного состояния как европейские, так и американские политики не должны были выказывать, ибо все очевидно из вышесказанного. Мы вчера наблюдали то, как американские дипломаты из посольства США в Киеве вместе с Викторией Нуланд, словно официанты, разносили в пакетах горячие булочки с маком протестующим на площадях Киева. То есть я, конечно, очень высоко ценю русского министра иностранных дел Сергея Лаврова, это кадровый профессиональный дипломат, но я себе не представляю, чтобы он на себя взял роль официанта и раздавал, например, русские блины в Киеве членам «Партии регионов» Украины.

Но тот аспект, с чего я начал, будущее Украины... Мне вспоминается американский политолог Сэмюэл Хантингтон, автор известной книги «Clash of civilizations?». Он предсказывал еще в 90-е годы, что Украина, которая очень сильно расколота на два лагеря (западный лагерь, который ориентируется на свою интеграцию к Западу, и на восточную, южную Украину, которая тяготеет к России), что ее будущее непредсказуемое, и не исключен даже и раскол, и распад страны. И тот вопрос, который, наверное, стоило бы обсудить: а готово ли сегодня мировое сообщество, как и Россия, представить, в какие последствия может вылиться этот политический кризис на Украине? Что будет, если Украина действительно разорвется, если будут продолжены вот эти манифестации в Киеве? Спасибо большое.

Тренин. Спасибо, Юрий. Кстати говоря, если кто-то читает New York Times или International Herald Tribune, была очень интересная статья, наверное, десять дней тому назад, известного американского политолога Николая Петро (не путать с нашим Николаем Петровым), который год прожил в Одессе с семьей. Он описывает совсем другую картину Украины, чем та, которую транслируют основные западные, ну и российские, на самом деле, средства массовой информации. Так что это интересно. Если кто не читал — я очень советую почитать. Николай Петро, я не помню название, но посмотрите, это интересно.

Махлай. Я Алексей Махлай, президент Центра общественно-политических исследований, есть такая общественная организация, родом с Украины. Буквально приехал позавчера с Украины, в течение восьми дней наблюдал за ситуацией, которая происходит там. Сам военный, много прослужил, в том числе служил в Чернигове, в Конотопе, в Гончаровом Круге и в других местах.

Во-первых, большое спасибо, что пригласили на данное мероприятие. По вашей четвертой позиции я совершенно не согласен. Страдания Майдана. Кто такой Майдан?.. Это Тягнибок, который кувалдой... ну, не он лично, а его бойцы разбивают памятник на глазах у 50-миллионного населения Украины. Надо понимать, что кроме Майдана, на котором больше 70 тысяч ну никак не вмещается... называемые цифры 200, 500, 150 — это все пиар и не более. Так воспринимает треть населения Украины, люди, скажем, которые

исповедают эту идеологию, и это правда... Это разве лучшая часть Украины, которая так поступает? Как может представитель Соединенных Штатов Америки и Евросоюза здороваться за руку с такими людьми, которые проповедают фашистскую идеологию? В Европе, между прочим, эта идеология запрещена.

Вот мы сегодня говорим, что это лучшая часть Майдана. Да, там очень много молодежи. Там в основном, на 70%, население Западной Украины. Мы с вами уходим и не хотим... Ну, не мы лично, а многие политологи, которые занимаются этой проблемой, Украиной, не знают даже украинского языка. Вот можете себе представить, как можно послать в Германию, в Англию человека заниматься этой страной, не зная этого языка?

У нас в России очень многие сегодня пытаются дать политическую оценку происходящим событиям. Вот напротив меня сидящий товарищ знает, он принимал участие в Российском общественно-политическом центре еще при покойном Салмине Алексее Михайловиче, где проработал 15 лет, когда были тяжелые времена с Украиной во время Ющенко, у нас был создан Российский общественный консультативный совет вместе с Центром Разумкова. И мы тогда пытались навести мостик среди общественных организаций. Я до сих пор являюсь секретарем этого общественного совета от Украины.

Украина — это четыре совершенно разные части. Мы еще в 2006 году говорили: пока вы не наведете порядок у себя внутри, не добьетесь консенсуса между населением... Ну так получилось, что Западная Украина воевала вместе с немцами, воевала против многих русских, украинцев и других, которые принимали участие в войне. Надо эту страницу истории закрыть, а не будоражить и не возрождать ненависть у другой части, где погибло очень много людей. Вместо этого начали возрождать памятники фашистам, [делать] бандеровцев героями и т. д. Это вызывает страшное неприятие другой части Украины.

И тогда представители Евросоюза... Мы проводили мероприятия, семинары «Россия — Украина — Евросоюз. Пути совместного сотрудничества». Мы ни одно мероприятие без Евросоюза не провели. Представители Евросоюза говорили тогда, буквально два-три года тому назад: Украине еще надо 20–30 лет для того, чтобы стать членом Евросоюзом, пока вы не наведете порядок у себя в стране.

Ну вот собрались четыре президента за какой-то круглый стол. Кравчук, который в свое время говорил: «Я в 14 лет в лес носил пирожки для партизан, то бишь для бандеровцев». Ющенко, я уже сказал. Кучма... Ну, вы знаете, чем закончилось. А Янукович... Когда были выборы, то мои земляки говорили так: «За одного стыдно, а за другого страшно голосовать в Украине». Вот это вам такая ситуация.

Я хочу сказать, что не надо кривить душой, и хочу сказать и нашему ведущему сегодняшнего семинара, и присутствующим, что очень большую роль и руку приложили здесь Соединенные Штаты Америки. «ТехКемп» (TechCamp), который проводят они через определенные группы (это 100 миллионов долларов, которые вложили Соединенные Штаты в Украину), — это рецепт революции. Буквально недавно в Донецке в этом году были Дни культуры США. Проводили это мероприятие за городом, для того чтобы, как говорится, подальше от людей. И там был посол Соединенных Штатов на этом мероприятии. Безусловно, то, что там рассказывается, на этих группах — все сегодня воплощается на Майдане. Разбиваются по группам. Соответственно, чем должны заниматься... Никаких переговоров, никаких соглашений с властью. Ну предложили же круглый стол, почему вы не идете? Ничего подобного. Там, надо сказать, обучают и

белорусов. Почему? Потому что у белорусов батька Лукашенко там все знает, все видит, там невозможно. Поэтому там обучаются этим методам достижения власти. Об уличных акциях, об использовании детей, что мы уже знаем. Ну, мы уже знаем, чем это кончилось в 30-х годах, когда детей использовали в Германии.

Я должен сказать, что Россия целиком и полностью проиграла информационную войну. Целиком и полностью. Все то, что сегодня делается в Украине, в других местах, мы проиграли полностью.

Для чего Украина понадобилась Соединенным Штатам Америки? Это эксперимент для развала России. Я согласен с выступающим, который не согласился, и я не соглашаюсь с ведущим в том, что НАТО, Европа — это музей техники. У нас еще свежа память насчет Югославии, как этот музей разгромил это государство. Притом там точно так же работали. Алек Росс — идеолог этого «ТехКемпа». Туда присоединилась сегодня Клинтон и многие другие в Соединенных Штатах Америки. Как бы поступили в США, если бы приехал премьер или приехал кто-нибудь из руководителей другого государства и пошел к бастующим куда-нибудь в Нью-Йорке, а не к руководству этой страны? Я думаю, что, наверное, в лучшем случае выгнали бы, а то и разделил бы, наверное, участь Бута, который находится сегодня в Соединенных Штатах Америки.

Украина пожинает сегодня чужие идеи и чужую политику. Народ целиком и полностью там на распутье. Реформы, которые предложил Евросоюз и на протяжении двух лет, полтора года Янукович выполнял очень честно, привели к тому, что развалили полностью медицину, развалили полностью образование, развалили полностью деревню, которая все время славилась на Украине. Сегодня рожениц в процветающей Украине, где деревня от деревни находится в лучшем случае в 5–6 километрах, возят за 80–100 километров. Рожают в машинах, рожают в тракторах, потому что проехать невозможно. А народ, конечно, пришел к чему? Пришел к тому, что недовольные сегодня и справа, и слева.

Мои выводы следующие. Я говорил четыре года тому назад о том, что в 2014 году Украина развалится на три государства. Я сегодня придерживаюсь той же самой политики. Я только немножко ошибся, что началось... Ну, перейдет в 2014-й. Вот если 17-го числа Янукович приедет в Москву, а в Киеве объявят что-то вроде какого-то нового временного правительства, — он возвращается в Донецк или в Харьков, и на этом закончилась самостийная Украина, вот это государство, которое сегодня еще не сформировалось как государство. Поэтому если будет вариант, в котором Янукович сдаст [власть], Янукович сменит Юлю в тюрьме моментально и не будет сидеть на харчах, и его 29 руководителей не будут посещать в так называемой тюрьме, где она красиво отдохнула за полтора года и полна сил сегодня взять власть в свои руки. Это игрок высшей лиги, она все сделает, чтобы своих конкурентов спрятать очень далеко, и их никто защищать не будет.

И последнее. Если получится вариант сдачи нынешней власти в Украине, то мы с вами, если будем живы-здоровы и если нас пригласят хозяева, буквально через года полтора-два будем здесь обсуждать роль НАТО в Украине, которые будут стоять на границе Белгородской и других областей Российской Федерации. Спасибо.

Тренин. Спасибо большое. Поскольку вы были со мной не согласны по нескольким пунктам, я не мог просить вас закончить раньше. Но я прошу, чтобы в

дальнейшем все выступающие укладывались, скажем, в пять минут, чтобы была возможность у всех высказаться.

Единственное, что я хотел бы сказать... Когда я говорил о лучшей части украинского народа, которая мерзнет, и происки Москвы их никак не могут сломить, я, конечно, это закавычил. Я прошу прощения, если это было сделано не очень явно.

Махлай. Ну если так, то...

Тренин. Хорошо. Спасибо. Кто следующий? Константин, пожалуйста.

Эггерт. Сначала я хотел бы извиниться перед Игорем Коротченко. Игорь, прости, я не должен был врывать в твою речь. Но просто действительно хотел одну вещь сказать: выборы в Верховную Раду были в прошлом году, то есть год назад, и до следующих выборов еще долго. Поэтому речь может идти только о президентских выборах в марте 2015 года, а ситуация, конечно, меняется довольно быстро.

Я бы хотел изложить какие-то свои тезисы, мои личные тезисы, если хотите, связанные с освещением украинской ситуации, начиная с «оранжевой революции» (я там регулярно бываю, читаю лекции в университете, студенты есть, то есть с этими молодыми людьми я знаком и представляю их себе довольно неплохо). Ну и [поделиться] некоторыми впечатлениями от вильнюсского саммита, где я провел три дня, и который тоже на меня произвел довольно интересное впечатление.

Я бы хотел сказать по поводу этой ситуации прежде всего следующее. По-моему, гигантской ошибкой как российского комментариата, значительной его части по крайней мере, так и определенной части западных обозревателей было то, что вот это несостоявшееся соглашение об ассоциации рассматривалось сугубо в экономической плоскости. На самом деле, несмотря на важный аспект, связанный с соглашением о свободной торговле, соглашение об ассоциации в силу специфических причин постсоветского пространства — это сугубо политический шаг.

Господин, сидящий у стены, я не запомнил его имени, простите, милостивый государь, но вот вы там говорили о каких-то заголовках в Reuters. Но, понимаете, Reuters — это частное агентство, а ВВС — публичный правовой вещатель, поэтому не надо усматривать в заголовках, говорю вам как бывший сотрудник ВВС, ничего больше заголовка. Но абсолютно ясно, что...

Тренин. Кстати, три минуты осталось.

Эггерт. Дим, ну, четыре... Ну я же с места. Я бы хотел сказать следующее. Эта, действительно, недооценка политического фактора такого рода соглашений на постсоветском пространстве привела ко всеобщему шоку. И здесь Дмитрий Витальевич 300 раз прав, когда говорит об отсутствии у ЕС геополитического мышления, я бы даже сказал, внешнеполитического мышления в прямом смысле этого слова. Это и привело, на мой взгляд, к тому, что в момент, когда Янукович развернулся на 180 градусов, не было никакой запасной стратегии.

Для меня после всех моих поездок в Украину очевидно, что да, существуют эти дебаты об украинской идентичности. Для людей моложе 35 в основном и для людей моложе 30 тема «Мы вместе идем в Европу» — это субститут, это удобная замена

дискуссии о том, ты с востока или с запада, и носишь ли ты вышиванку или ты говоришь на русском. Это для молодых украинцев, которые стремятся чего-то достичь в жизни, возможность избежать сложного и, конечно, долгосрочного спора о том, что такое быть украинцем. И в этом смысле эта реакция на эти события прежде всего молодых людей для меня понятно чем продиктована. Лично мне понятно.

Кроме того, надо не забывать о том, что развитие украинской политической системы, в отличие от развития российской политической системы, шло в общем и целом путем демократическим. Вспомним, что это одна из первых стран постсоветского пространства, где произошла мирная, спокойная, демократическая, честная смена президента, когда Кравчук передал полномочия Кучме. И все дальнейшее, что происходило, продемонстрировало, что это украинское протообщество демократию воспринимает весьма серьезно. И я думаю, что выучить это надо было еще в период событий 2001 года, когда было движение «Украина без Кучмы». Это окончательно надо было понять во время первого Майдана 2004 года. И сейчас мы видим абсолютно четкое ощущение, что у очень многих людей, у значительной части, политически активной части украинского общества ощущение, что они могут влиять на политику прямо, есть. И это фактор, который абсолютно непонятен очень многим людям, живущим в странах постсоветского пространства.

Еще один момент, связанный с этим. Я думаю, что именно поэтому нынешнее противостояние кончится каким-то временным компромиссом. Тем более что лидеры оппозиции, с которыми я общался, кроме Тягнибока, со всеми, пока не могут решить даже ничего по поводу стратегии на президентских выборах. Но ясно, что к президентским выборам скорее всего у оппозиции будет более ясная стратегия, это раз. И два — я думаю, что украинские олигархи будут принимать решение, в том числе и восточные олигархи, настолько ли нужен им Янукович, который абсолютно запутался в своих схемах.

Проблема Европейского союза в этой ситуации — это недооценка политического фактора, и поэтому такие какие-то судорожные движения. Но мне кажется, что очень правильно поставлен вопрос о том, что ни Брюссель, ни Вашингтон не будут терпеть, скажем так, насильственной смены, если Януковича сейчас выбросят из власти путем штурма Администрации президента, а что смена должна быть мирной. В этой связи я думаю, что досрочные выборы не исключены. Но я думаю, что сейчас каким-то компромиссом все это кончится, тем более что часть людей уйдет на Рождество, ближе к 25-му. Нельзя забывать, Украина — значительно более приверженная христианской традиции страна, чем даже значительная часть России.

Проблема Соединенных Штатов очень понятная. Это отступление администрации Обамы с европейского театра. Они просто забыли, что существует Европа, и спохватились в самый последний момент. В Вильнюсе даже не было ни одного более-менее приличного наблюдателя от Соединенных Штатов. Ну, забыли ребята, как это всегда бывает с нынешней администрацией. А сейчас они вдруг узнали: боже мой, Украина, где это?! Представляете себе администрацию Клинтона и администрацию Обамы — сравните политику, и все поймете. Поэтому сейчас, я знаю, шлются очень забавные сигналы из Вашингтона в Москву: знаете, если в Украине будет дефолт, вы, пожалуйста, заплатите украинцам 15 миллиардов, чтобы этого не было, а потом мы вместе с вами будем строить демократию. Как в Сирии с химическим оружием. Ну, смешно, конечно, к Путину обращаться с таким предложением.

Проблема Украины на самом деле — это дефицит бюджета и возможный дефолт. И вот с этим надо разбираться. И виноват в этом не кто иной, как Виктор Федорович Янукович и Николай Азаров. Никто другой за эту безумную политику разрывывания страны мегатемпами ответственности не несет.

И проблема России, на мой взгляд, вот в чем. Россия пропустила тот момент, когда можно было действительно влиять на гражданское общество Украины, в том числе и каким-то добрым примером. Два последних посла Российской Федерации в Украине (при всем моем хорошем отношении лично к этим людям), в отличие от послов, которых присылал ныне проклинаемый Борис Николаевич, — это не послы, это губернаторы, генерал-губернаторы империи в Украине. И с такими людьми, конечно, будут говорить люди, торгующие газом, но к ним не может относиться с доверием украинское общество. Профессиональные дипломаты здесь были бы, на мой взгляд, значительно более подходящими с психологической точки зрения.

Я думаю, что даже экономическое давление не изменит того перелома, который произошел в Украине, как я его ощущаю, перелома в настроении: осознание того, что Украина — это отдельное государство, которое будет идти своим путем (каким — другой вопрос). Она даже пошла бы, может быть, в сторону России, но если бы она это делала сама, а не под давлением.

И последнее, что я хочу сказать. Вот эти все разговоры про возможный раскол, мне как-то они не кажутся (может быть, я что-то не понимаю) правильными, потому что раскол может произойти только в одном случае — если Янукович отправит танки давить демонстрантов. Тогда да, у вас три области отколются сразу, там просто будет немедленно другая власть. Если этого не будет, я думаю, что лучше жить всем вместе, как-то там перевариться и переделаться, договориться между собой. [Это] будет намного сильнее желания попасть в объятия России, потому что ни один украинский олигарх, даже в том числе и на востоке, не хочет быть на посылках, скажем, у Вагита Алекперова. И тот факт, что сегодня в городах востока (в Донецке, в Луганске) нет явления, которое мы могли бы назвать «эквивалентным антимайданом», лишней раз доказывает, что люди, которые находятся в Киеве, может быть, не говорят за всю Украину, не буду утверждать это, но это люди, которые поймали какой-то тренд, который есть во всех регионах страны.

Дима, спасибо тебе большое, что терпел. А я тебя в «Твиттер» положил за это.

Тренин. Вот как... Вот это называется «коррупция», между прочим, в аналитической среде. Виктор Кувалдин, пожалуйста.

Кувалдин. Спасибо. Сразу скажу, что я, к сожалению, не знаю и не понимаю Украину так, как Костя Эггерт, которого я глубоко уважаю. Поэтому я основываюсь только на том немногом, что можно увидеть из Москвы. Хочу просто сформулировать свою позицию.

Константин, я согласен, что Украина развивалась как демократическое общество. Но я думаю, что все-таки не надо забывать и не надо опускать тот факт, что в 2004 году под названием «оранжевая революция» произошел государственный переворот и захват власти. Мне тогда пришлось плотно работать в социологии по второму туру выборов, и по всему, что я знаю, фальсификации были на обеих сторонах в голосовании на востоке и на западе приблизительно равные, поэтому преимущество Януковича в несколько сот тысяч голосов мне кажется неоспоримым.

И многое можно понять, все-таки сравнивая события 2004-го и 2013-го, поскольку, по существу, разыгрывается тот же самый сценарий. У меня никакого шока не было. Шок был в 2004-м. Шок прежде всего, конечно, от Европы и от Запада, от, действительно, сплошных двойных стандартов. Украину, с моей точки зрения, рассматривали как неевропейскую страну, как страну, не обладающую суверенитетом, экономическим и политическим, как страну, судьба которой решается в других столицах. И здесь, к сожалению, я думаю, была допущена очень большая ошибка, за нее будет расплачиваться Украина, но боюсь, что за нее расплатится и Европа, и Европейский союз. Все-таки такие вещи, они проходят, но они не проходят бесследно. Если ты публично дважды плюешь на те ценности, которые ты положил в основу своего существования, за это надо будет платить, и платить по-настоящему.

Теперь по ощущению. Здесь прозвучало так... Я сравниваю события 2004-го и 2013-го. У меня нет ощущения, что силовики деморализованы. У меня нет ощущения, что деморализованы донецкие, луганские или кто-то. Будь они деморализованы — в Киеве давно была бы другая власть. А Янукович, я абсолютно согласен, действительно сидел бы в тюрьме, и совсем не на условиях Юли, и люди вокруг него. Там же ведь был точно такой же эпизод, точно так же были вызваны спецподразделения милиции, и они были на подходе к Киеву в 2004 году. И этим руководил один из заместителей министра внутренних дел. Но они не вступили в действие, потому что президентом страны был Кучма, который здесь больше всего думал о будущем — о своем будущем, личном будущем, и о капиталах своего зятя Пинчука.

Я бы, наверное, согласился с Константином, когда он говорит, что украинская элита консолидирована, скорее всего, в своем движении на Запад. Возможно, к этому склоняется большинство украинского общества. И наверное, это действительно выбор молодежи. Но мне пока кажется, что на сегодняшний день какое-то непонятное мне и очень, может быть, неустойчивое равновесие. Если бы власть не отбила эту прямую атаку и попытку прямого захвата власти, если бы она потом, с моей точки зрения, очень неглупо взяв Майдан, не отступила, оставив Майдан для протеста, но освободив, разблокировав правительственные здания, этой власти давно не было бы в Киеве. Я так боюсь, что с точки зрения серьезных политиков Янукович, возможно, уже и сегодня политический труп, ему вынесен отложенный приговор. Причем не только на Западе. И здесь это только вопрос времени. Когда я говорю «Янукович», то, естественно, я имею в виду не только человека, но и его окружение.

Но самое-то интересное (и мне кажется, вот на это как раз настраивался в своем блестящем вступлении Дима), у меня впечатление, что украинская эта история, она только начинается, причем абсолютно при любом повороте. Подпишет он завтра (а сейчас мы не знаем, что будет), не подпишет, метнется ли он в сторону Таможенного союза — все равно во весь рост встала проблема Украины как проблема общеевропейская. Ведь Украина... Мы знаем, что есть... были, скажем, в Европе какие-то сопоставимые проблемы, там типа Косово. Но Косово — это же маленькая страна. Хотя для Европы, как я понимаю, в частности для Западной Европы, это серьезная проблема. Украина — для того чтобы решить ее проблематику, это же [нужно] не 20 миллиардов долларов и не 200. А сколько решала проблемы Восточной Германии Западная Германия? Решила ли она их на сегодня? Она же вложила туда сумму порядка одного триллиона долларов. Мне представляется, что проблема Украины куда глубже, куда фундаментальнее, какой бы выбор она в итоге ни избрала.

И это, к сожалению, как мне представляется, праздник, который теперь все время с нами. То решение, которое могло бы быть, реальное решение, то есть фундаментальная договоренность Брюсселя, Москвы, обязательно Вашингтона и Киева о каких-то совместных действиях и о сближении на этой базе, пока что представляется слишком хорошим для того чтобы быть правдой и для того чтобы как-то осуществиться на практике.

Ну и есть еще одна вещь, я ее хорошо знаю, правда, по событиям не 2004-го, а 89-го года, которые мне пришлось пережить немножко в другом качестве, не академического аналитика. Все-таки когда начинаются подобного рода процессы, то очень многие вещи, которые были правильными и очевидными вчера и сегодня, завтра они теряют свое значение и теряют вообще какой-то смысл. Посему боюсь, что это у нас совсем не последняя встреча. Действительно, открылась какая-то огромная проблема, рана в европейской политике. Конечно, хотелось бы верить, что удастся здесь избежать худшего, что все не пойдет по самому худшему сценарию. Но, повторяю, Украина — это не Косово, это не Югославия, это, по-видимому, все-таки что-то более серьезное и потенциально более опасное, чем то, что мы видели в европейской политике в последние десятилетия.

Тренин. Спасибо большое.

Долгин. Добрый день. Борис Долгин, научный редактор «Полит.ру». Я владею украинским языком, еще и поэтому могу вполне взять на себя смелость обсуждать Украину.

Я полностью согласен с Константином в том смысле, что европейский выбор — это предмет консенсуса для всей элиты Украины. Исключением являются сугубо маргинальные фигуры вроде Табачника или Медведчука. В этом смысле никаких вопросов нет. И я не сомневаюсь, что для нынешнего руководства Украины не было вопроса о подписании документа в Вильнюсе до тех пор, пока не началось достаточно жесткое давление со стороны России.

Это я ни в коем случае не назвал бы победой российской дипломатии. Я бы скорее говорил о некоторой патовой ситуации, о некоторой взаимной ошибке российской дипломатии с одной стороны и европейской с другой стороны. Потому что обе стороны жестко выступали против согласования форматов, против согласования двух частей: участия, соответственно, в зоне свободной торговли с Европой с одной стороны и в интеграционных проектах на восток с другой стороны. При попытке найти что-то осмысленное, взаимовыгодное, какую-то конфигурацию, которая могла бы не повредить ни одной из сторон, что-то найти можно было бы.

Но при этом Константин совершенно прав в том смысле, что для Украины это в первую очередь не экономическая история, а политическая, и именно в обоснование этого европейского выбора. Не то чтобы он спасал от споров об идентичности. Споры об идентичности — это инструмент движения вперед в конечном счете, пусть и с опорой на прошлое. А этот самый период рассматривается достаточно однозначно.

Есть другой вопрос. Да, Украина разная. И Украин не две, не три и не четыре. На Майдане сегодня есть представители очень разных областей, включая восточные области Украины, могу достоверно утверждать это, в том числе и совершенно не имеющие никакого отношения к ВО «Свобода». Более того, я бы сказал, что на Майдане имеет место достаточно сложно устроенная конфигурация сил, где есть, с одной стороны, граждане, очень настроенно относящиеся к этим трем политическим партиям, которые

как бы служат хедлайнерами протеста... И кстати, на самом деле присутствуют не только эти три силы. Я бы обратил все-таки большое внимание на участие Петра Порошенко, может быть, одного из самых перспективных политиков современной Украины. Ситуация с якобы захватом на Банковской была жестко дистанцирована, жестко осуждена даже руководителями всех трех политических сил, не говоря уже о Порошенко, который лично серьезно вложил в то, чтобы эта ситуация разрешилась. Поэтому рассматривать это как повод для какого бы то ни было действия против Майдана, легитимирующий это действие, нельзя.

Силовики явно находятся в достаточно сложном положении. Я не говорю о деморализованности, но они имеют достаточно сложную лояльность. Это проявилось еще в 2004 году. И это достаточно естественно для страны, в которой, условно говоря, приходилось переприсягать. Я не говорю о том, что что-то есть однозначно, я хочу сказать, что там очень неоднозначно.

Никакого варианта самостоятельного раскола Украины не существует, на мой взгляд. Существует вероятность действий по расколу Украины. Если некоторые группы в российской элите пойдут на это, да, наверное, что-то в этом направлении сделать можно. Другой вопрос, что это, на мой взгляд, будет действовать крайне разрушительно и для России, и собственно для любых частей Украины. Это крайне негативно скажется на российско-европейских отношениях и на российско-американских отношениях.

Разрывать Украину — это действовать, скажем так, заведомо грубо, ровно в той стилистике, которую мы в последнее время видим в исполнении, условно говоря, Глазьева и Рогозина. Я ни в коем случае... Вот здесь уже есть некоторая ошибка украинских, может быть, политиков и граждан, которые идентифицируют текущую политику с именем лично президента России. Мы видели, что Владимир Владимирович Путин имел достаточно разные политики по поводу Украины, и я не сомневаюсь, что имеется достаточно сложная конфигурация разных сил, которые работают в определении этой самой политики в отношении Украины. Вот продолжение линии условных Глазьева и Рогозина мне кажется действиями, которые существенно ослабляют позиции России на Украине и постепенно лишают возможности оказания воздействия даже в режиме мягкой силы. Да, режим грубой силы никогда не может быть исключен. В этом смысле, да, музей может быть превращен в реальный полигон. Но, скажем так, я бы видел единственный источник возможной активности в этом смысле в части российской элиты.

Европа, да, имеет проблему с отсутствием четкого проекта по поводу Украины. И это большая проблема. Интегрировать всерьез, полностью в Евросоюз как будто бы в ближайшее [время] не готовы, а Украина этого, конечно, хотела бы. Притом, еще раз, вся Украина хотела бы. Вопрос с тем, что, с одной стороны, предлагают то, чего не хочется, а с другой стороны, не предлагают то, чего хочется, да, отчасти служит дестабилизатором ситуации.

С экономикой проблемы есть. С экономикой проблемы, частично созданные за счет нереформированной экономики (а реформы нужны достаточно жесткие, структурные), а частично — созданные усилиями части российского руководства, для того чтобы объяснить, как плохо может быть, если Украина пойдет на ассоциацию с Европой. И беда в том, что и та, и другая часть проблем на Украине во многом воспринимается ровно во второй группе. Вот опасность того, что даже собственные внутренние структурные проблемы будут восприниматься как результат сознательных действий России, с тем

чтобы Украина не досталась Европе, — это еще один из дискредитирующих Россию моментов.

Ну и, наконец, должен сказать, что если российская внешняя пропаганда будет впредь вся похожа на то, что мы имели по украинскому направлению в последнее время, то я думаю, что ее эффект постепенно станет отрицательным уже целиком. Спасибо.

Тренин. Спасибо вам, Борис. Есть еще желающие? Пожалуйста.

Воркунова. Ольга Воркунова, ИМЭМО РАН и Центр исследования проблем мира и развития «Форум».

Я хотела бы, во-первых, поблагодарить всех присутствующих, и главного докладчика, и всех последующих, которые осветили различные очень важные аспекты этой проблематики. Мне бы хотелось остановиться на несколько другом аспекте — на геополитическом аспекте той ситуации, которая сложилась.

В сущности, мы сейчас являемся свидетелями такого складывающегося нового геополитического противостояния Европы и Евразии. Причем если говорить о Европе, то здесь я согласна с Дмитрием Трениным в том, что... Ну, я бы не формулировала это как такой музей, музей войны, но в целом, если мы посмотрим на особенности развития Европы за последние, предположим, 2000 лет, просто сравнить, то сейчас Европа является намного более предсказуемой и стабильной как геополитический такой центр с точки зрения внутренних конфликтов. Поскольку если мы будем рассматривать именно эволюцию внутренних конфликтов, то Европа показывает на этом фоне такое достаточно устойчивое и стабильное развитие. И в этом смысле сама политика на «Восточное партнерство» и расширение Евросоюза, она может рассматриваться также и как элемент такого создания пояса безопасности, структуризации ближнего пространства именно в интересах безопасности, предсказуемости и стабильности. Поскольку само ядро — Европейский союз — оно действительно смогло решить вот эту проблему вооруженных внутренних конфликтов и их трансформации в мирное русло. И то, чему мы были свидетелями в 90-е годы, это Балканы, ну и отчасти, быть может... Естественно, Балканы и Кавказ как две зоны турбулентности в ближайшем окружении Европы — это уже те зоны, которые находились за пределами Европейского союза. И Балканы, естественно, втягиваются в орбиту влияния уже основного ядра Евросоюза.

А вот, в отличие от Европы, как раз Евразия представляет собой такую достаточно серьезную зону турбулентности, неструктурированную с точки зрения развития и динамики внутренних конфликтов. И разумеется, здесь могут быть и перспективы каких-то уже межгосударственных военных противостояний.

Поэтому Украина, она оказалась вот на таком как бы перекрестке, на некой пограничной зоне. И я хочу напомнить волнения в Турции и ситуацию в Турции, которые в общем нам напоминают нынешний Майдан на Украине по некой своей внутренней такой эмоциональной окраске. И Турция, и Украина в этом смысле как бы являются на таком пограничье между Европой и Евразией. Поэтому в перспективе и для России, и, быть может, для Украины отчасти, хотя она видит себя именно как часть Европы, и часть именно структурирования европейского пространства... Но для России очень важно определить идеологически и стратегически развитие, дальнейшую эволюцию евразийского... можно по-разному его называть, но именно структуризацию евразийского пространства, для того чтобы это пространство выстраивалось в пользу вот такой зоны

предсказуемости и устойчивого развития. Поскольку основные угрозы международному миру и безопасности исходят сейчас как раз из этой геополитической зоны.

И здесь мы видим как раз и различные конкурентные возможности и конкурентные преимущества. Поскольку если говорить о конце эпохи евроцентризма и отчасти о конце периода американского лидерства, то сейчас мы имеем дело с возникновением совершенно новых лидеров мировой политики и, естественно, вот этой конкуренции между лидерами мировой политики. Спасибо.

Тренин. Спасибо, Ольга.

Брутер. Владимир Брутер. Мне кажется, что наш... можно сказать «российский», можно сказать «европейский» взгляд на Украину всегда носит несколько фантомный характер. Мы пытаемся некой вещи в себе приписать некие известные нам качества, а потом их анализировать. На самом деле определения, которые мы даем Украине, должны быть очень четко выверены, определены, проверены, и проверены практикой. Все, что мы обычно говорим, — это некая идеальная страна... Идеальная — не в том смысле, что она идеальна, а в том смысле, что мы ее воспринимаем как некую идеальную страну, которой подходят некие общие решения. А в действительности же это совсем не так, и мы в этом убеждаемся достаточно часто.

Мы начали в этом убеждаться в 2004 году, очевидно, когда произошло, действительно, совершенно, как сказал Виктор Борисович, незаконное изменение власти, непредполагаемое или не предположенное конституцией и законами Украины. Собственно, самое интересное в этом то, что Виктор Федорович на это пошел. А еще самое интересное, о чем сегодня никто не говорил, — что Виктор Федорович пошел на это еще и в 2007 году, когда Рада была незаконно распущена президентом Ющенко. И почему-то два раза Виктор Федорович, закрыв... я не знаю, что он закрывает... пошел на такие варианты.

Теперь, что такое Майдан со структурной точки зрения? Вот Борис говорил о том, что там есть представители разных регионов. Да господа, да во Львове 25% жителей центра города голосуют за «Партию регионов». Где вы их там видели? Они что, на улицу выходят? Не выходят они на улицу, боятся. Нормальная совершенно ситуация. Их уже настолько морально забили, что голосовать они могут, а вот выйти на улицу не готовы.

Эггерт. ...

Брутер. Нет, голосовать они ходят, Константин, но когда никто не видит. А идите с этими товарищами поспорьте на улице — у вас не получится. Просто не получится. Что тут скажешь... Вот такие товарищи — не получается.

Что касается проблемы Европы. Европа не видит проблему в Украине. Возможно, Польша видит. Да, мы с господином Валовским этот вопрос обсуждали — видит. Германия отчасти видит. Румыния уже не видит. Румыния показывает киевский Майдан как пример: дети, не надо себя так вести, а то у вас будет как у них. И, собственно говоря, именно такие сюжеты проходили по общественному румынскому телевидению: «Посмотрите, до какого ужаса они докатились. Если вы будете протестовать, у вас получится точно так же». И не надо на эти моменты закрывать глаза.

Теперь вопрос следующий... Что такое Майдан? Почему 29-го еще Майдана не было, а к вечеру он появился? Собственно говоря, я согласен с тем, что европейский выбор является общей площадкой для украинской элиты. Это правда. И этот выбор является единственным, который является непротиворечивым для практически всех украинских лидеров от Донецка и до Львова. Согласен. Но, собственно говоря, в чем же здесь проблема тогда? Откуда же взялся Майдан? Неясно. Что, кто-то из украинских руководителей когда-то сказал, что он отказывается от подписания соглашения об ассоциации? Никогда не говорил. Что, Янукович не подписал его путем личного выбора? Нет, он его не подписал под очень большим нажимом. Что, собственно говоря, тогда и составляет проблему. Проблема, очевидно, не в европейской интеграции. Проблема в отношении активной части украинского общества к нынешней власти. Как шутят многие мои киевские товарищи: «Программа оппозиции заключается в следующем: все то же, но без донецких». Это вопрос очень любопытный, и он не имеет отношения ни к европейской интеграции, ни к трендам, которые уловили молодые украинские граждане. Он вообще ни к чему не имеет отношения, кроме того, что во Львове всегда будут считать донецких нехорошими людьми (я очень мягко выражаюсь).

Что касается политики России. Политика России заключается в том, что она заключается в том, в чем она заключается. И если начальник дал команду не допустить подписания соглашения, значит, все средства, которые под это хороши, будут использованы. Как они будут использованы — по-глазьевски или по-рогозински, не имеет никакого значения. Здесь важен результат. Результат получен — значит, средства были использованы правильные. Дискредитирует это Россию? Да, наверное, дискредитирует.

Был ли шанс у России повлиять на украинское гражданское общество? Он всегда есть какой-то. Но нынешнее российское руководство не мыслит такими категориями. Оно мыслит категориями «сегодня надо — завтра сделали; не сделали — значит, неправ; а если сделали — ну, значит, молодец, правильно разбираешься в общественно-политической ситуации». И Россия будет продолжать политику именно в таком направлении, пока власть в России такая, какая она есть сегодня.

Даст ли это какой-нибудь положительный результат в будущем? Не знаю, возможно, и не даст. А возможно, ресурсов нужно будет больше, а результат будет меньше. Но опять-таки, если мы не рассуждаем фантомными категориями, то подход к проблеме не поменяется. И потом, если Янукович в силу каких-то обстоятельств вынужден будет от власти уйти, то то же самое скажут господину Кличко: что, дескать, либо ты идешь туда и мы тебе перекрываем торговые связи, и ты тогда этот вопрос решаешь сам, либо ты договариваешься с нами, а что ты делаешь с ними — это твои проблемы; у тебя есть немецкий вид на жительство — вот и работай в соответствующем направлении. Спасибо.

Тренин. Спасибо вам, Владимир. Пожалуйста.

Паппэ. Яков Паппэ, Институт народно-хозяйственного прогнозирования. Я экономист, поэтому многое из того, что здесь говорилось про украинскую экономику, мне не вполне понятно. Мне не вполне понятны супертяжелые проблемы, которые вроде бы приписывают украинской экономике. Мне непонятно, как Россия их серьезно создала или не создала и т. д. Позвольте мне мою версию...

Относительно газа. Во-первых, Украина не так зависима от нашего газа, как это кажется. Во-вторых, система транспортировки газа в Европу такова, что Украина всегда будет брать газа столько, сколько ей нужно, а платить столько, сколько может, столько,

сколько хочет, столько, сколько надо, чтобы прилично выглядеть перед прогрессивным человечеством и т. д. И у России не будет, по крайней мере до ввода «Южного потока» на полную мощность, возможности этому противостоять.

Дальше. Что такое дефолт, что такое бюджет и т. д. Дефолт — это всегда проблемы кредиторов, а не должника. Если долг большой. Еще это проблемы правительства, которое объявляет, но не проблемы экономики. Гривна может упасть. Это и плюс, и минус. Для одних отраслей это плюс, для других это минус. Все помнят результат девальвации рубля в 98–99-м годах.

Дальше. Фундаментальные вещи. Украина — металлургическая страна. Сейчас цены на металлы низки. Но этот рынок цикличен: сегодня они низки, завтра они высоки. Сегодня металлурги нахлебники, завтра они кормильцы, герои и т. д. и т. п. Это касается и нашей металлургии, и украинской.

Основная проблема украинского сельского хозяйства, как вы знаете, простая: через проливы нельзя везти столько зерна, сколько мы хотим.

Поэтому я не вижу фундаментальных страшных угроз украинской экономике. Такой взгляд, если отбросить чисто текущую финансовую «одежду» того, что происходит.

И позвольте два неэкономических напоминания. На мой взгляд, вполне очевидна простая вещь. Если в какой-то стране, на какой-то территории земли, которая была частью какой-то большой страны, метрополии, формируется нация, эта нация не может формироваться иначе, как на отторжении, отделении, отдалении от метрополии. Это по поводу реальных среднесрочных перспектив российских отношений с Украиной.

Ну а по поводу того, кто там считает булочки и боевиков на Майдане, могу напомнить... 97 лет назад один очень легитимный, легальный лидер могучей страны задал своим приближенным вопрос: «Это бунт?» Ему ответили: «Нет, Ваше Величество, это революция».

Благодарю за внимание.

Тренин. Спасибо большое.

Язькова. Язькова Алла Алексеевна, Институт Европы, отдел Черноморско-средиземноморских исследований.

Я хотела бы сказать, что, собственно говоря, здесь мы обсуждали два аспекта. Первый аспект — это то, что происходит на Украине, в чем, так сказать, интересы различных групп украинского общества. И, в общем-то, ответа на этот вопрос мы в конечном счете не получили.

Но мне представляется все-таки важным то, что большинство из выступающих говорили о том, что вот Майдан стоит, будет он стоять или не будет, кто-то его поддерживает, кто-то его не поддерживает, но как-то совершенно ушла в сторону вот эта проблема «Восточного партнерства». Вроде началось-то как будто бы как протест против решения Януковича, а сейчас эта проблема, на мой взгляд, стала гораздо более глубокой. Но, не являясь специалистом в этой сфере, я хотела бы просто ее каким-то образом

обозначить, а в основном сказать о том, в чем я все-таки в какой-то мере являюсь специалистом и чем я занимаюсь, и о чем здесь не было сказано.

Вот говорили о факторе России, о факторе Соединенных Штатов, о факторе Евросоюза, кто вмешивается и каким образом вмешивается или не вмешивается, кто предлагает, скажем, какие-то дивиденды, что ли, Януковичу или, наоборот, считает, что он нелегитимен. Но почему-то все совершенно ушли в плане геополитики от того, что первый визит Януковича был в Китай. И вот китайский фактор, между прочим, здесь как-то ушел на второй план. А между прочим, мы уже как-то немножко знали, но вроде бы как подзабыли, не обращали на это внимания, что в аренду Китаю было сдано, по-моему... сколько там, я не помню... 3 миллиарда, что ли, гектаров украинской территории для развития сельского хозяйства.

Сейчас об этом не говорят, но то, что Янукович подписал соглашение о создании глубоководного порта в районе Севастополя и Евпатории с китайским руководством, получил кредиты... У меня лично, например, не вызывает сомнений то, что сейчас такая мощная и растущая держава, как Китай, она, конечно же, будет выполнять свои обязательства и сделает, поскольку это входит в сферу интересов не столько Украины или Януковича, сколько в сферу заявленного большого проекта широкого Шелкового пути китайского. И как раз не хватало вот этой черноморской территории. Потому что, в общем-то, Центральная Азия в данном случае... уже вроде бы вопрос с ней в основном решен. Проход через Кавказ тоже, я думаю, будет решен, в данном случае Китай сможет это сделать. А вот база на черноморском побережье — это очень существенно. И поэтому мне представляется, что [если] вообще всю нынешнюю геополитическую ситуацию попытаться оценить, какие же игроки здесь, на этом пространстве имеют силу, какие имеют перспективу... мне представляется, что фактор Китая тут трудно недооценить.

Ну и наконец, хотелось бы сказать, что в данном случае, если говорить уже... Мне трудно говорить об интересах Украины в данном случае, потому что Янукович, безусловно, получит какие-то кредиты, те, которые он безуспешно пытается получить или пытался получить от Евросоюза. С Россией пока вопрос до 17 декабря, так сказать, приостановлен. А от Китая, конечно, получит кредиты. Но если говорить о геополитике, здесь мне представляется, что в данном случае речь идет не только и не столько об Украине, сколько о российских интересах. Потому что большое Причерноморье до настоящего времени было сферой не то чтобы противостояния, но во всяком случае дискуссий, каких-то временных перевесов (или наоборот) между Россией и Евросоюзом в основном. Для России Турция в данном случае является в какой-то мере союзником. Соединенные Штаты в последнее время как-то ослабили, учитывая интересы на Ближнем Востоке, Афганистан и прочее, свои позиции в этом регионе. А вот Китай как раз вошел в этот регион. И вот мне представляется, что здесь это очень важно проследить, эту тенденцию и эту линию, как с точки зрения интересов Украины в какой-то мере... Потому что неясно, если в Севастополе будет создаваться глубоководный порт, что это будет для Украины, а для России это будет, безусловно, минусом.

И вот мне хотелось бы в плане геополитики обратить внимание на этот фактор, о котором до сих пор пока речь не шла. Спасибо.

Тренин. Спасибо, Алла Алексеевна. Есть еще желающие? Я думаю, как сказал Виктор Борисович Кувалдин, мы с вами тоже втянулись, как и некоторые другие, в украинскую проблематику, и наверное, этот праздник будет нас еще долго собирать вместе по разным поводам. Хотелось бы, чтобы эти поводы были не очень страшными. Я

очень благодарен, на самом деле, всем, кто принял участие в этой дискуссии, всем, кто... не то что дополнил, потому что, я еще раз говорю, я просто заполнил паузу... кто рассказал о ситуации на Украине. [Потому] что действительно очень важно нам представлять, чтобы у нас были не фантомные, а более реальные представления. Тем, кто подсветил проблему с разных и иногда противоречащих друг другу точек зрения. По-моему, в этом смысл любого разговора.

Я, честно говоря, не вижу большой разницы между переворотом и революцией. И то и другое является насильственным свержением власти. Как эволюционист, который, наверное, может... Единственная революция, которую я принимаю, — это американская революция, она, в общем-то, была скорее войной за независимость, чем революцией. Все остальные революции — к сожалению, на мой взгляд, результат ошибок прежде всего тех, у кого в руках находится власть, и кто не может эту власть употребить для эволюционного развития общества. Любая революция имеет колоссальные минусы. И просто очень не хочется жить ни в эпоху революций, ни рядом с революциями, не дай Бог. Но это моя личная точка зрения. Я отношусь очень негативно к этим вещам.

Я был бы очень рад посмотреть на человека, который готов был бы вложить в Украину 10 миллиардов или другую сумму, но своих собственных денег. Вот тогда было бы действительно интересно. Боюсь, что из того, что я сегодня услышал, и из того, что я слышал раньше, не являясь специалистом по Украине ни в коем случае... Я считаю, что все те деньги, которые Россия дала бы Украине, эти деньги будут потерянными деньгами, потерянными для России. Европа, если она к этому времени сформирует стратегическое мышление, еще что-то, она может приобрести важного члена Европейского союза, но этот важный член заставит внести существенные, серьезные коррективы в конструкцию союза. Это для кого-то может быть не очень здорово.

Мне немножко странно слышать, как в России, где, по-моему, всерьез думают о том, что делать с мавзолеем в 17-м году и с тем, кто в нем находится, так печалятся о памятнике в Киеве. На мой взгляд, война с памятниками — это дикость. Памятники нужно убирать с площадей, идеологические памятники. Памятник Ленину — это не памятник человеку, который когда-то был в Киеве... Он, наверное, бывал в Киеве, но не этим он славен. Не знаю, ну вот... Это все-таки идеологический памятник. Для таких памятников есть и должны быть исторические парки, где люди должны проходить рядом с изваяниями разных людей — титанов, тиранов, прочих. Это важно, это часть воспитания. Ни в коем случае нельзя их разрушать, это безусловно. Но надо иметь в виду, что это не произведение искусства разрушалось, а разрушался идеологический монумент. И здесь, в России, в том же самом Кремле без всякого протеста общественности были демонтированы памятники. И нынешняя власть, я думаю, настроена к этим памятникам довольно критически, мягко говоря.

Что мне представляется еще важным сказать. Мне кажется, что точно так же, как в Соединенных Штатах на протяжении длительного времени многие вещи плохо понимали, и, соответственно, совершали большие ошибки, когда считали, что где-то там интересам Соединенных Штатов противостоит рука Москвы... Вот рука Москвы противостояла Соединенным Штатам во Вьетнаме. Но на самом деле оказалось, что это не рука Москвы или Пекина, а нечто другое. Я думаю, что в России будут совершать ошибки, если за любыми действиями, где так или иначе Соединенные Штаты присутствуют... А они присутствуют сегодня по факту везде, во всем мире. Это нравится или не нравится, это факт, с которым надо так или иначе считаться. Если будут всё относить на действия руки Соединенных Штатов, с которой кормятся майдановцы и прочие, то ошибки неизбежны.

Проигрыш информационной войны, на мой взгляд, он неизбежен в той системе информации, которая существует в Российской Федерации. Эта система усугубилась, по моему, последними кадровыми изменениями. Вот такая пропаганда будет работать не против России, а против конкретно Правительства Российской Федерации и Кремля. На мой взгляд, других вариантов не просматривается.

Я думаю, что проблема существует, и, как мы, наверное, увидели, решение ее крайне сложное, крайне тяжелое. Но есть очень серьезный риск того, что, как говорил господин Махлай... Я, правда, увидел у вас некоторое противоречие, когда вы говорите, что она развалится на четыре или на сколько-то частей, а войска НАТО будут все равно стоять в Белгороде, то есть рядом с Белгородом. Если НАТО ее опять соберет вместе... Я не понял. Ну, неважно. Я готов поставить под сомнение свой тезис, который до сих пор я глубоко... он мне очень близок, что Европа — музей. Может быть, и не музей. Может быть, придется смотреть друг на друга через прицел. И я думаю, что это тоже нас должно подвигать к тому, чтобы до этого мы не дошли. Особенно в год столетия Первой мировой войны, которую тоже вроде никто не хотел, и которая большинству участвующих сторон обошлась народу в неисчислимые жертвы... Неисчислимые для России, потому что никто их действительно не исчислил до сих пор. А для начальников — кто-то лишился короны, а кто-то, как начальник нашей страны, лишился и собственной головы, и головы своих детей. И это страшно. Поэтому эти вещи должны нас всех вместе... Я еще раз говорю, как эволюционист, как человек, который ни войны, ни революции не хочет. И более того, который работает в организации, в названии которой стоит слово «международный мир». Так вот, за международный мир, хоть Виктор Борисович и говорит, что это безумно сложно, но что-то нужно в этом деле делать. Потому что совместные ошибки Европы, России (я не говорю уже про Украину) и Соединенных Штатов могут дорого обойтись Европе, России и Соединенным Штатам Америки. Что-то нужно в этом смысле делать.

Ну а пока я хотел бы вас всех еще раз поблагодарить... Да, вот единственное, что я хотел бы сказать, последнее, наверное. Алла Алексеевна, один мой товарищ недавно был в Пекине и рассказал мне такую вещь, что в хорошей, дружеской обстановке, когда люди сближаются, и даже китайцы сближаются с иностранцами, один высокопоставленный китайский человек сказал, что мы, вообще-то говоря... «Евразия, Евразия, ваш президент... ну, да, конечно... Но мы реально выстраиваем Евразию отсюда. И наша Евразия простирается через Центральную Азию, Пакистан, Иран, Турцию до Берлина, где второй центр Евразии». А будет ли Россия частью этой Евразии или окажется на обочине этой Евразии — это зависит от вас, господа. Товарищи, точнее.

Так что вот на этой ноте я хотел бы вас всех еще раз поблагодарить и пригласить на небольшой фуршет, который вот за этими дверями, которые сейчас Лена откроет. А так я не прощаюсь, у нас до конца года еще могут быть мероприятия, на которых я вас надеюсь приветствовать. Если же кто-то не сможет, то с Новым годом, с новым счастьем, новых сил! Давайте подкрепимся, эти силы нам еще потребуются. Спасибо большое.